

Философская мысль:
рецепция и интерпретация

**РОССИЙСКИЙ ОРИЕНТАЛИЗМ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ЛЕРМОНТОВА И САИДА**

В.А. ЗАХАРОВ

Когда мы говорим об ориентализме, первое, что приходит на ум, – перевод этого слова. Ориентализм до недавних пор обозначал востоковедение – зародившуюся на Западе дисциплину, которая приобрела самостоятельное значение и была поставлена на научную основу в XVIII – XIX вв. Однако методология ориентализма была весьма спорной и для отдельных теоретиков стала предметом оживленной дискуссии. А с выходом в 1978 г. в Нью-Йорке книги известного американского обществоведа и культуролога палестинского происхождения Эдварда Вади Саида (1935 – 2003) «Ориентализм»¹, одной из наиболее влиятельных книг последней четверти века, современное востоковедение оказалось в чрезвычайно сложной ситуации. В свете предложенных Саидом положений востоковедение могло показаться лженаукой. В своей книге автор показал, как из записок разных путешественников – искателей приключений, посещавших Восток, не понимавших чужую культуру и не вникавших в нее, на Западе складывался образ «Дикого Востока», образ, который сейчас повсюду тиражируется мировыми СМИ.

В то же время проблема феномена «Иного», «Своего» – «Чужие» присуща человеческому сознанию во все времена и имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики любой культуры и ее самосознания. Роль образа Другого в формировании собственной идентичности на разных исторических этапах исключительно важна, поскольку познание чужой культуры и самопознание – явления одного порядка. Только в контактах с чужой культурой происходит осознание специфики культуры собственной. Естественно, что в разные исторические периоды оно имело различное содержание. Восприятие одной культуры другой в XVIII и XIX вв. имеет большое отличие от того, как воспринимался Восток Западом в XX в.

В своих комментариях к дискурсу (критике, полемике, диспуту) ориентализма в западной аналитике Эдвард Саид исследует сферу ориентализма, являющуюся, по его мнению, «не чем иным как колониальным дискурсом». Он описывает некую созданную в колониальных обществах систему положений, в которой колонизированные могут видеть себя сквозь призму чужого восприятия. Саид показывает, по какой логике или с какой точки зрения Запад рассматривает ту

часть мира, которую можно назвать незападной. Этот образ «Другого», представленный на многочисленных примерах пронизывает все исследование автора.

Ориентализм основывается на противоречиях и создает понятия-антиподы типа «Европа — Азия» или «Восток — Запад». Однако, по мнению Саида, ориентализм исказил и исковеркал знание: вместо того, чтобы рассматривать события и явления в ракурсе динамики и опыта истории, что закономерно для всего мира, ориентализм, как правило, умещает их в им же созданные стереотипы, вызывая тем самым искусственное раздвоение. Доказательством тому являются полюсы, нередко встречающиеся в дискурсе ориентализма, как, например, ислам и арабы с одной стороны, а христианский Запад — с другой. Именно по этой причине ориентализм как дискурс очень уязвим. Он стереотипичен по своему мышлению, а в более широком смысле стереотипичен в претворении своей идеологии.

Ориентализм Саида определяет Восток не в географическом (East), а в культурологическом смысле (Orient)². Колонизация Востока в XVIII и XIX вв. означала для европейцев не только экономическое владение им, но и его осмысление. Для Запада Восток — это место, которое можно описать и изучить, обжить и обучить, управлять им и одновременно защищаться от него. Ориентализм, по Саиду, фактически, является западным методом установления господства над Востоком, его перекройки и доминирования над ним. Эдвард Саид отмечает, что невозможно понять эту строго систематизированную дисциплину, с помощью которой европейская культура была в состоянии управлять Востоком и даже создавать его — в политическом, военном, идеологическом, научном и воображаемом аспектах, если не рассматривать ориентализм в качестве дискурса³.

Эдвард Саид убежден, что именно сравнительный метод, примененный Западом по отношению к Востоку и восточным народам, сформировал неправильные представления об онтологическом и гносеологическом неравенстве Запада и Востока. Автор «Ориентализма» почти не сомневается в том, что интерес Запада к Востоку носит лишь политический характер. Но несомненна и такая точка зрения, что в своей сущности Ориентализм Саида есть придание привилегированного статуса одной культуре (Западноевропейской, или Атлантической) относительно другой (Восток). Последняя выполняет роль культурно-инакового Другого и используется для утверждения Западом своего интеллектуального доминирования и позитивной самоидентификации.

Главные примеры Саида, на которых базируется его исследование, принадлежат к двум империям, Британской и Французской, и к временам расцвета колониализма в XIX в. Примеры неизменно показывают, что колониальные мотивы являются доминирующими

темами эпохи; что колониальные захваты сопровождались бурным интересом, литературным и научным, к захваченным колониям и их обитателям и что содержанием такого процесса являлось формирование «знания» о колониальных народах, которое служило власти и определяло власть.

В 2001 г. кинокритик Елена Стишова написала о работе международного киносимпозиума, который проходил тогда в Питтсбурге и который продемонстрировал огромный интереса Запада к Кавказу. Там, в Питтсбурге, с подачи организаторов, писала Стишова, «мы пытались отразить нынешнюю российскую ситуацию: является ли она конструктом американо-европейского сообщества или же порождена внутренними проблемами России, оставшейся наедине с собой и себя выбирающей. Неспроста же вновь обсуждается идея евразийства как чисто российского геокультурного феномена. Главная тема была сформулирована недвусмысленно, пусть и в вопросительной форме: «Россия вне европейского порядка?» Дискуссионное поле симпозиума формировалось вокруг десяти российских фильмов. Четыре из них, показанные в Музее Карнеги, на публичных сеансах, составили ретроспективу фильмов о кавказских событиях последнего десятилетия»⁴. Таким образом, видно, что теория Саида вовсе не относится к прошлому, а применима западными исследователями и к сегодняшним событиям, к нынешнему противостоянию между Востоком и Западом.

Далее Стишова обратила внимание на тот факт, что западные коллеги оказались обладателями опыта, который отсутствует у нас. Крушение имперских амбиций Запада породило — в качестве отдаленного результата — идеологию политкорректности. В основание ее положен Образ Другого и право этого Другого с его представлениями о мире, с его ценностями, по крайней мере быть понятым. Как писала автор, «в американских университетах есть специальные штудии — colonial и postcolonial studies. И есть учебник — книга Эдварда Саида «Ориентализм» (у нас до сих пор не переведенная). Мы же «окуклились» на стадии «исторической общности, именуемой советский народ», да там и остались. Хотя нет уже ни того народа, ни той страны, где расцветало искусство — «национальное по форме, социалистическое по содержанию»»⁵.

Итак, книга Эдварда Саида за последнее время, оказывается, стала учебником для всей читающей западной аудитории, и в первую очередь для вузовской аудитории по такой проблеме как российско-кавказские отношения.

Справедлив ли этот выбор? То, что книга «Ориентализм» заслуживает большого и серьезного внимания — нет никаких сомнений. Справедливо и то, что на Западе она стала не только бестселлером, но и дала повод для многочисленных научных исследований, посвящен-

ных критике колониальной науки и политики. Так, в своем анализе работы Саида известный американский исследователь Джеймс Клиффорд выдвинул несколько замечаний, которые необходимо привести, для понимания того, как труд Саида, его идеи, воспринимают на Западе. Основное наблюдение Клиффорда — это расхождение между гуманистической позицией Саида и использованием им идей Мишеля Фуко, французского философа, теоретика культуры и историка. Труды Мишеля Фуко оказались очень популярными в США, Японии, Австралии и Европе. В России активное издание переводов его работ началось только с 1996 г. Клиффорд считает работу Саида одной из первых попыток использовать идеи Фуко применительно к культурному анализу, представляющей большой интерес для историков, критиков, социологов и антропологов. Однако радикальная критика гуманизма у Фуко и ее потенциал для всякого рода культурных исследований ослабляется оппозиционностью позиции Саида⁶.

Итак, на Западе труд Э. Саида давно востребован, и хотя со времени его выхода прошло уже 30 лет, ничего подобного в научных кругах нашей страны не произошло и не происходит. С одной стороны, это объясняется тем, что работа Саида больше посвящена вкладу англо-американской и французской ориенталистики в утверждение своего колониального господства как над Ближним Востоком, так и над другими регионами Третьего мира. О России в книге Саида упоминается лишь походя, чуть больше десяти раз, и то как об объекте западной политики вообще. Вполне естественно, что в работе не фигурирует ни одно имя российских ученых-востоковедов, а уж тем более писателей и поэтов XIX в., если не считать имени Толстого и то в связи с его кавказскими произведениями. Однако обвинять Саида в незнании большого числа исследований о России и Востоке, России и Кавказе вряд ли уместно. Отсутствие у автора знания русского языка — видимо единственное объяснение его просчетов.

Важно отметить, что в работе Саида отсутствует такая важная составляющая, как проблема ориентализма в России. Детальный разбор книги Эдварда Саида сделал недавно российский востоковед В.О. Бобровников, попытавшийся исправить сложившееся положение. До Бобровникова недостатки книги Саида и возможные пути их исправления продемонстрировал литературовед Александр Эткинд. Он отметил, что исследования, затрагивающие проблемы ориентализма в России появились на Западе уже вскоре после выхода книги Саида⁷. Правда, большинство авторов использовало понятие ориентализма в более обычном смысле внешней колонизации Востока, и в частности Кавказа, Российской империей. Но в этих работах, при таком прямом употреблении понятия «ориентализм», Российская империя либо оказывается одной из колониальных империй наряду с Испанской, Британской или Французской, либо, наоборот, одним из колонизо-

ванных пространств наряду с Америкой, Африкой или Вест-Индией. В то же время, по мнению А. Эткинда, не подлежит сомнению тот факт, что Россия в разных ее частях, периодах и лицах бывала как субъектом, так и объектом ориентализма⁸.

Наша точка зрения по проблеме ориентализма на русской исторической и культурологической почве сводится к тому, что мы не можем слепо копировать все постулаты Эдварда Саида. Ориентализм в России, в понимании Саида, — это предмет серьезного исследования. Сегодня наибольшего внимания заслуживает то, что мы называем междисциплинарными контактами с другими гуманитарными науками, такими как литературоведение, исследования культуры, этнология и др. За последнюю четверть века на Западе появилось немало работ, которые рассматривают ориентализм комплексно, с применением этих гуманитарных дисциплин. Одной из таких работ является книга швейцарского профессора А. Каппелера «Россия — многонациональная империя». По его мнению, в начале XIX в. влияние западного ориентализма распространилось и на Россию. Именно с этого времени «Восток» стал заметной темой в русской художественной литературе, в творчестве А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова, А.И. Одоевского и позже Л.Н. Толстого⁹.

Правда, в подтверждение своего мнения автор не приводит ни одного примера, и предложенный им вывод оказывается практически неаргументированным. Если же говорить только о Лермонтове, то в его произведениях мы не найдем ни малейшего намека на колонизаторскую роль России или на высокомерное отношение к народам, населяющим Кавказ. Наоборот, весь цикл кавказских произведений Лермонтова проникнут дружелюбием, переходящим в восторг, а где-то и в любовь к Востоку, по терминологии Эдварда Саида.

Восприятие Лермонтовым Кавказа как Востока

Лермонтов был, пожалуй, первым, кто в поэтической форме без всяких оговорок признался в любви к Кавказу:

Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В своей интереснейшей статье «Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации» А. Эткинд более подробно, чем в предыдущих работах¹⁰, останавливается на понятии «внутреннего ориентализма». Это понятие, по его мнению, выражает общность и различия между российским опытом и другими, лучше изученными вариантами западной колонизации Востока. В отличие от колонизации в классических империях, с заморскими колониями в разных концах света, колонизация России имела центростремительный характер.

Главные пути российской колонизации были направлены не вовне, но внутрь метрополии: не в Турцию, не в Польшу и даже не в Сибирь, но в тульские, поморские, оренбургские деревни. Тут государство раздавало латифундии и подавляло восстания. Здесь открывали общину и записывали фольклор. Здесь изучали старинные обычаи и странные религии. Отсюда в столичные коллекции привозили «уродов» и раритеты. Сюда направлялись местные паломники в страны Востока. Миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России были обращены внутрь собственного народа. Известия о русских шаманах, былинах, мощах, общинах, сектах и, наконец, народниках не уступали сенсациям из экзотических заморских колоний. В российских столицах, как считает А. Эткинд, эти известия воспринимались так же, как в европейских, с важной разницей: этот народ был своим, он говорил на нашем языке и был источником нашего благополучия — и при этом все равно был экзотическим. Россия колонизовала саму себя, осваивала собственный народ. То была внутренняя колонизация, самоколонизация, вторичная колонизация собственной территории¹¹.

Итак, по мнению А. Эткинды литературные освоения периферических колоний России — Украины, Крыма, Новороссии, Кавказа, Сибири, Центральной Азии, хотя и стали предметом многих исследований на Западе¹², но при всем значении этой темы А. Эткинд считает, что собственно ориенталистская, в традиционном смысле слова, классика большой русской прозы сравнительно небогата: «Путешествие в Арзрум», «Хаджи-Мурат», «Смерть Вазир-Мухтара». К этому он добавляет «десятки менее известных сочинений, но это не изменит очевидного вывода: отношения между Западом и Востоком имели существенно меньшее значение для русских классиков, чем отношения между государством и народом»¹³. Странно, что известный литературовед прошел мимо творчества второго поэта России, каким М.Ю. Лермонтов стал еще в XIX в. К сожалению, А. Эткинд ни словом не обмолвился о кавказских произведениях Л.Н. Толстого и других российских литераторов XIX в., как и не отразил взгляды кавказских авторов на кавказскую тему в русской литературе XIX — XX вв., хотя работ по данной тематике имеется немало¹⁴.

В 2007 г. в издательстве «Новое Литературное обозрение» под редакцией А.И. Миллера вышла книга «Северный Кавказ в составе Российской Империи», которая обозначена как «учебное пособие для отечественной высшей школы». Книга вызвала неоднозначную реакцию отечественных кавказоведов, чему была посвящена специальная конференция, прошедшая в декабре 2007 г. в Армавирском государственном педагогическом университете. Ее материалы вышли отдельным изданием¹⁵.

Необходимо отметить, что в работе В.Б. Виноградова и И.Г. Черноусовой, опубликованной в этом сборнике¹⁶, дается на наш взгляд не совсем справедливая оценка главы «Ориентализм на Северном Кавказе», напечатанной в книге «Северный Кавказ в составе Российской Империи». Авторы относят эту книгу к серии претенциозных и весьма спорных изданий, появившихся в последнее время. В этих работах демонстрируется воинственное отторжение «марксистской научной традиции в ее современном варианте». Авторы стремятся доказать идею колониально-силовой парадигмы эпохального устройства истории народов кавказского региона в составе многонациональной России. И далее В.Б. Виноградов и И.Г. Черноусова пишут, что авторы книги (а данная глава написана В.О. Бобровниковым) находят в произведениях Лермонтова базовый материал для своих умозаключений.

Но так ли это? Во-первых, авторам, по всей видимости, была неизвестна рецензия В.О. Бобровникова на русский перевод книги Эдварда Саида¹⁷. Перевод небрежный, с большими ошибками, а в чем-то даже плохой. Во-вторых, Бобровников в своей главе совершенно верно сравнивает то, как изучали Кавказ в дореволюционной России ученые востоковеды, и как образ Кавказа вырисовывался в трудах тех ученых-кавказоведов, писателей и поэтов, которые знали население Кавказа не понаслышке, а встречались с населением этих мест, знали их нравы и обычаи, и вообще прекрасно разбирались в горском менталитете. И здесь упоминание имени Лермонтова, цитирование его произведений оказалось весьма уместным. Да и как могло быть иначе, ведь именно такое представление о неподвижности, застойном состоянии Востока, его экономической отсталости существовало тогда в русском общественном мнении. Об этом писали и А.А. Бестужев-Марлинский, В.Г. Белинский, тот же М.Ю. Лермонтов и многие другие передовые представители русского общества.

В.О. Бобровников обращает внимание на тот факт, что среди военных, в чьих руках оказалось управление Северным Кавказом, было немало членов Кавказского отделения Императорского русского географического общества (КОИРГО), для которых изучение кавказских древностей было самым большим увлечением. А, приводя строки стихотворения Лермонтова «Спор» В.О. Бобровников лишь подчеркивает пассивность жителей Кавказа.

В этой связи небезынтересно отметить, что уже в ранних произведениях Лермонтова видно противостояние Востока и Запада. При этом Запад ассоциируется со старостью, а Восток с молодостью. Это наблюдается в стихотворении «Умиравший гладиатор», где в культурологическую схему введены возрастные характеристики: «юность светлая», «кончина», «старость» («к могиле клонишься...», «пред кончиною»). Но, в то же время, у Лермонтова четко прослеживается мысль о старческой дряхлости, в которой находится современный

Восток. Эту картину поэт ярко изобразил в стихотворении «Спор», процитированном В.О. Бобровниковым:

...Не боюсь я Востока! —
Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век...
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
.....
Нет! Не дряхлому Востоку
Покорить меня!

Однако это противопоставление, а иногда и сопоставление двух мировых цивилизаций Востока и Запада было необходимо Лермонтову, как заметил Ю.М. Лотман, не само по себе — «с помощью этого контраста он надеялся выявить сущность русской культуры»¹⁸.

Русская культура, с точки зрения Лермонтова, противостоит великим дряхлым цивилизациям Запада и Востока как культура юная, новая, только вступающая на мировую арену. Здесь ощущается до сих пор еще мало оцененная связь идей Лермонтова с настроениями Грибоедова и его окружения¹⁹. Грибоедов в набросках драмы «1812 год» хотел вложить в уста Наполеона «размышление о юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный, — что бы он мог произвести?» На наш взгляд, глава «Ориентализм на Северном Кавказе» является наиболее удачной в книге «Северный Кавказ в составе Российской Империи».

Как считает известный американский славист Майкл Дэвид-Фокс, после публикации работы Эдварда Саида для целого ряда исследователей ориентиром стало научное направление, получившее название ориентализма. Главным стержнем этих исследований стало изучение образа Востока в восприятии западных ориенталистов и на основе связей между этнографической наукой и имперской властью. Американские русисты, без колебаний бросившие вызов многим аспектам в методологии Саида, также стали интенсивно исследовать проблемы этнографии и образы нерусских районов и народов в русской культуре, литературе и искусстве²⁰. Испытав также влияние так называемых постколониальных исследований, русисты начали более интенсивное изучение Средней Азии, Кавказа, Закавказья и западного пограничья²¹.

В отечественном литературоведении проблемой ориентализма только начинают заниматься²².

Мы ни в коем случае не идеализируем книгу Эдварда Саида. Многие его взгляды были обвинением европейцев в использовании

ориентализма для укрепления имперской политики закабаления народов Востока. Лев Лосев обратил внимание на то, что Саид пошел дальше историко-культурного анализа. Ориентализм, утверждал он, был орудием колониальной политики Запада. Цель романов Конрада, Киплинга, Форстера — усилить власть колонизаторов над жертвами колонизации. Собственно, в этой книге Саид и внедрил в молодое поколение американских интеллектуалов модные с тех пор идеи Франца Фанона и Мишеля Фуко о культуре как инструменте власти.

Еще дальше Саид пошел в книге, написанной через 15 лет после «Ориентализма» — «Культура и империализм». Там он утверждает, что даже на вид аполитичные и не касавшиеся темы Востока писатели XIX — XX в., например, Джейн Остин, своими сочинениями легитимировали колониальную империалистическую политику²³. Казалось бы, какое отношение имеют семейные неурядицы провинциальных викариев и любовные драмы сельских сквайров к порабощению индусов! Как же, как же, а откуда чаек, который они попивают из своих веджвудских чашечек? — замечает Лев Лосев, анализируя критику Саида.

Эти «новые» идеи Саида на удивление близко подошли к тому, от чего даже советские идеологи начинали морщиться в 30-е гг. прошлого века, — к вульгарно-социологическому марксизму: «Татьяна отказала Онегину по причине низкой производительности крепостного труда в условиях, предшествующих появлению промышленного пролетариата». Вот до чего договаривался Саид: «Каждый европеец, когда он говорил о Востоке, был расистом и империалистом»²⁴.

Критики указывали Саиду на то, что он игнорирует, например, колоссальное наследие европейского востоковедения, благодаря которому Запад испытал глубокое влияние Востока, а Востоку были возвращены его забытые или утерянные культурные сокровища. Указывалось и на то, что увлечение ориентализмом — в основном дело прошлого. Запад теперь знает о Востоке из книг индуса Найпола, пакистанца Рушди, японца Кавабаты, китайца Гао Синьцзяня — писателей, совсем не склонных потакать фантазиям западных любителей экзотики²⁵.

В XIX в. Кавказ для Европы и для России ассоциировался с Востоком, и подтверждение этому мы видим в произведениях многих русских писателей и поэтов. Тексты их произведений предоставляют интересные данные о различных типах восточных слов: освоенных литературным языком — об этимологических ориентализмах и употребительных ориентализмах-экзотизмах, а также не освоенных литературным языком региональных, окказиональных элементах.

Последние типы отмечаются главным образом в сочинениях, связанных в той или иной мере с Востоком (Кавказом). Восточная тема становится традиционной для русской литературы уже в первой четверти XIX в., и довольно обширный круг произведений содержит в себе различные виды восточных лексических элементов, например, у М.Ю. Лермонтова, в текстах которого обнаружено значительное число ориентализмов и производных от них. Наряду с такими этимологическими тюркизмами, как *армяк*, *кушак*, *бурдюк*, *кисет*, *таз* и т.п., широко представлены и другие типы: *ага*, *якши*, и т.д.

Когда мы обращаемся к страницам биографии Лермонтова, знакомимся с его творчеством, мы ясно видим, что Кавказ, а в его тогдашнем понимании Восток, образы этой восточной культуры сопровождали поэта на всем протяжении его жизни. В этом немалую роль сыграли как обстоятельства личной биографии Лермонтова, так и то место «восточного вопроса», которое он занимал в политической жизни России 30 — 40-х гг. XIX в.

Как известно, в это время русское мыслящее общество стал волновать целый комплекс новых философских идей, которые сконцентрировались в выражении и объяснении специфики исторической судьбы России. И это своеобразие русской культуры многие видели в ее противопоставлении как Западу, так и Востоку. Россия в европейских государствах еще с XVIII в. в этой типологии получила наименование «Север» и весьма сложно соотносилась с двумя первыми культурными типами. Как заметил Ю.М. Лотман, с одной стороны, противостоя им обоим, а с другой, — выступая как Запад для Востока и Восток для Запада²⁶.

Однако, если быть исторически объективными, необходимо сказать, что российский классический ориентализм, стал складываться еще с конца XVIII в., с того самого памятного события общеевропейского масштаба, каким было путешествие Екатерины II в татарский Крым. Тогда же в России, как заметила Сара Дикинсон, стали появляться стереотипы «инаковости» и образ «Чужого», как онтологически отличного от норм доминирующей европейской культуры²⁷.

Лермонтов оказался на Кавказе в тот исторический момент, когда шло вхождение этого региона в культурное поле России. Политико-экономические, социально-культурные, этноконфессиональные процессы и отношения в этом месте, конечно же, были далеки от стабильности. Отправной точкой можно назвать 1801 г. — дату присоединения Грузии к России, момент, когда русское православное государство спасло православных грузин от полного исчезновения. Тогдашний государственный деятель, таврический генерал-губернатор Платон Зубов писал в этой связи, что «исполнители великих намерений российского монарха извлекли Грузию и сопредельные ей земли, подвластные Российскому скипетру за Кавказом, из страшного ар-

хаического состояния; создали их благоустройство, политическую свободу, неприкосновенность собственности; озарили просвещением и гражданственностью. Кавказ надо было не только покорять, но и организовывать»²⁸.

Иными словами уже тогда понимали, что это должно быть не формальное присоединение какой-то географической территории к Российскому государству, а вхождение скорее духовно-нравственное и даже житейское. Общественный строй всех народов Кавказа в XVIII – XIX вв. был феодальным, с пережитками патриархальных отношений. Но в это время во всех государствах Европы происходит коренная ломка феодальных порядков, утверждаются новые капиталистические отношения. Одновременно на смену рационалистической философии эпохи Просвещения приходит принцип исторического развития. Как отмечал Б.С. Виноградов, «была открыта зависимость человеческого общества от исторически сложившихся обстоятельств, был признан законом процесс поступательного движения человечества в рамках национального своеобразия для каждого народа. Истории отдельных народов предстали как часть всемирной истории»²⁹.

Общеизвестно, что вхождение Северного Кавказа в культурное поле России, как считают М.В. Клычникова и Ю.Ю. Клычников, понимаемое «как пространство, в пределах которого проявляется совокупность духовных достижений народов, входящих в его состав», оценивается рядом авторов «как пример положительной интеграции, позволяющей добиваться культурного взаимообогащения людей»³⁰.

Реальность исторических событий, происходивших в то время в России, требовала решения важнейших вопросов, среди которых к одним из важнейших можно отнести долголетнюю кавказскую войну. В этой связи любопытно размышление, принадлежавшее декабристу Д.И. Завалишину. Уже после событий 1825 г. он писал: «Развитие ни одного государства не обходилось без соединения разных народностей, но никогда почти это соединение не разрешалось правильно, потому что трудный вопрос об органическом слиянии национальностей и не может быть правильно решен без знания народных начал»³¹.

В это время на Кавказе решался важнейший «двуединый» русско-кавказский вопрос: вопрос русской истории и вопрос об исторических судьбах Кавказа, привлекавший серьезное внимание российской общественности. «Кавказский вопрос» оказался в то время одним из постоянно обсуждавшихся. Как справедливо заметил Б.С. Виноградов, «философия истории получала, если можно так сказать, практическое осмысление в трагическом противоречии: присоединение Кавказа к России было исторически необходимо и целесообразно, а колониальные методы этого присоединения вызывали негодование в передовом русском обществе»³².

Современные отечественные исследователи А.В. Барнаш и С.С. Лазарян считают, что военно-силовых и административно-политических мер в этом процессе было недостаточно. «Северный Кавказ требовал не только военными мерами, но и культурой преобразовать и осветить регион, показать и доказать кавказским народам всю силу нового для них строя жизни, его позитивную, преобразующую мощь, способную вырвать их из мира жестокого средневековья и родоплеменных распрей; создать для них новые основы их материального существования, новые основы их быта, возводимые на фундаменте русско-европейской культуры»³³. Понимали это, к сожалению, на Кавказе не все. С одной стороны — неграмотная масса народа, говорившая на разных языках, с другой стороны — страх перед просвещением феодальной верхушки, державшей народы в повиновении и зависимости. В это же время на Северном Кавказе наблюдается просветительское движение передовой горской интеллигенции. Оно было направлено на ломку феодально-патриархального быта, и на приобщение к происходившим в самой России социальным, экономическим и культурным процессам.

Примеров этому в первой половине XIX в. можно привести немало, и плоды этого взаимообогащения налицо — это как произведения русских писателей и поэтов, так и творчество, и научные труды Шоры Ногмова, Хан-Гирея, Казы-Гирея, Адыль-Гирея, жителей Кавказа, ставших подлинными просветителями своих народов. Их деятельность совпала с разгаром, а затем и с затуханием Кавказской войны. Находясь по долгу службы в гуще событий, решавших судьбу их родины, они выступали за единение с Россией, в которой видели могущественное государство, способное защитить их народ от восточных завоевателей, положить конец племенным распрям, создать верные условия для их экономического и культурного процветания. Как писал Казы-Гирей: «Из польз России только может истечь благо моего родного края... Кавказ не может иметь по положению своему другого просветителя и более могущественного защитника»³⁴. А его современник, участник дагестанских событий Адыль-Гирей, писал: «День изъяснения Восточной половиной Кавказа покорности России, есть день, от которого народы Восточной половины Кавказа будут считать начало своего нравственного и общественного совершенствования»³⁵. Как писала Р.Х. Хашхожева, повторяя слова Хан-Гирея, подобно западным просветителям, они верили в просвещенного монарха, истинно пекущегося о благосостоянии горских народов, способного ограничить произвол местных крепостников реформой сверху³⁶. «Человеколюбивые законы просвещенного государства должны оградить меня от самоуправства сильного, и слабейший меня ими же защищен от моего угнетения. Тогда я могу быть довольным и счастливым на-

званием честного человека, не владея ни знатностью, ни силой притеснения другого»³⁷.

С 30-х гг. XIX в. наблюдается пристальный интерес русского общества к устному творчеству народов Кавказа. Не секрет, что цвет российской интеллигенции XIX в. с уважением относился к горцам Кавказа. А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Т.Г. Шевченко, В.Г. Белинский, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и многие другие оставили большой «кавказский» след в своем творчестве и в своей деятельности. В это же время начинается взаимообщение русской творческой интеллигенции с передовыми деятелями кавказских народов. С историком и философом А.-К.-А. Бакихановым дружили Грибоедов, Пушкин, А.А. Бестужев-Марлинский. Творчество Султана Казы-Гирея было высоко оценено Пушкиным. А Шора Бекмурза Ногмов был лично знаком не только с Пушкиным и Лермонтовым, но и со многими другими представителями творческой элиты России. Мирза Фатали Ахундов был дружен с Бестужевым-Марлинским, встречался с Лермонтовым. И таким примерам несть числа. Если мы обратимся к произведениям русских авторов, то нигде не обнаружим неуважения к горцам. Наоборот, они восхищались их независимостью, честью, именно они знакомили русского читателя с бытом и нравами народов Кавказа. И Лермонтов, его творчество, в этом ряду занимает одно из первых мест.

Мы считаем необходимым обратить внимание на одну особенность произведений Лермонтова. Именно у него, как ни у кого другого из русских литераторов, существует та сильно выраженная связь между тем, о чем он писал в своих произведениях, и теми жизненными ситуациями, в которые он попадал. Его творчество оказывается по настоящему биографичным, вот почему изучение произведений Лермонтова нельзя отрывать от реальных событий не только личной жизни поэта, но и исторического процесса тогдашней жизни Российской Империи, ее внутренней и даже внешней политики.

Как отметила много лет назад О.В. Миллер, черты автобиографизма в творчестве Лермонтова далеко не случайны. Они определились в соответствии с тенденциями передового общественно-литературного направления его времени. Самопознание, поэзия мысли были одним из основных требований, предъявляемых поэтами-любомудрами. Лермонтов, по всей вероятности, читал статью Д.Н. Веневитинова «Несколько мыслей и план журнала», где эта идея выражена предельно ясно и четко. Белинский определял сознание своего поколения как состояние рефлексии. Романтический индивидуализм привел в 30-е гг. XIX в. членов кружка Станкевича, и Герцена, и Огарева к напряженному самоанализу и рефлексии, питавшимся истоками русского гегельянства³⁸.

С самых юных лет Лермонтов познакомился с западноевропейской поэзией, его особенно пленили творения Байрона, да не просто пленили, он даже свою жизнь сравнивал с жизнью Байрона. Сохранилась автобиографическая заметка 1830 г., в которой юный поэт написал: «Когда я начал марать стихи в 1828 году, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня. Ныне я прочел в жизни Байрона, что он делал то же — это сходство меня поразило!» Воздействие на Лермонтова поэзии Байрона, автобиографизм которого воспринимался современниками как литературное кредо, иногда почти как вызов³⁹, было огромно. Пусть кто-то называет его подражательным, но сам Лермонтов, вероятно, так не думал.

Сказанное нами — не громкие слова, в которых хотелось бы поднять значение великого русского поэта, вовсе нет. За свою короткую жизнь он успел в своих стихах и прозе отозваться на происходившие события как внутри России, так и за ее пределами, он следил за развитием русской литературы, философии и вбирал в себя самое лучшее.

Известный отечественный литературовед Б.М. Эйхенбаум, посвятивший часть своей жизни изучению творчества Лермонтова, обратил внимание на особое свойство, ярко выразившееся в его творчестве: «...в каждом его произведении чувствуется личный опыт пережитого и передуманного. Авторское “я” в его юношеской лирике настолько многозначительно и реально (а не условно, как в традиционной лирике того времени), что ее анализ оказывается в то же время изложением его автобиографии»⁴⁰.

Если обратиться к исследованиям прошлых лет, можно увидеть следующую тенденцию — жизнь Лермонтова в этих работах оказалась оторванной от событий, происходивших в России. Правда, были другие крайности, политические задачи эпохи развитого социализма требовали привязки не только творчества Лермонтова к восстанию декабристов, но и разработки и утверждения постулата — «Лермонтов великий продолжатель дела декабристов». Наши предшественники, в большинстве своем выдающиеся филологи по образованию, касались главным образом лишь узких, конкретных событий на Кавказском театре военных действий, а они были лишь составляющей частью геополитического развития в огромном регионе Российской Империи.

Когда мы пытаемся понять, что же представлял собой Кавказ в 30 — 40-х гг. XIX в., где так трагически окончил свои последние дни наш поэт, мы неожиданно открываем для себя, что Кавказ занял особое место в жизни и творчестве Михаила Юрьевича. Он не раз бывал здесь, немало написал об этих удивительных местах. Во времена Лермонтова, под Кавказом понимали довольно значительную географическую территорию, которая простиралась от Черного моря до Каспийского, и от Кубани до границы с Турцией в Закавказье.

Первым, кто официально отметил эту особую близость творчества Лермонтова с Кавказом, был его современник, известный литературный критик В.Г. Белинский: «С легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветной страной не только широкой раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний. Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существующее родство России с этим краем... и Кавказ — эта колыбель поэзии Пушкина, сделался потом и колыбелью поэзии Лермонтова»⁴¹.

В своей статье «Герой нашего времени», которая была напечатана в 9-й книге «Отечественных записок» за 1841 г., отмечая общее значение темы Кавказа для многих литераторов своего времени, великий критик писал:

«Кавказ взял полную дань с музыки нашего поэта... Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной! Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм — «Кавказского пленника», и одна из последних его поэм — «Галуб» — тоже посвящена Кавказу; несколько превосходных лирических стихотворений его также навеяны Кавказом. На Кавказе Грибоедов создал свое «Горе от ума»: дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзия ее сынов вдохновили его оскорбленное человеческое чувство на изображение апатического, ничтожного круга... И вот является новый великий талант — и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им; на недоступных вершинах Кавказа, венчанных вечным снегом, находит он свой Парнас; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Ипокрену»⁴².

Детское и юношеское восприятие Кавказа Лермонтовым

Действительно, Кавказ по-разному находил свое отражение в жизни и творчестве Лермонтова, поскольку видел он его в разные периоды своей жизни. Первыми были детские впечатления, когда ему шел всего шестой год. Это было лето 1820 г., мальчик тяжело болел и бабушка — Елизавета Алексеевна Арсеньева, воспитывавшая его после смерти матери в своем имении Тарханы Пензенской губернии, повезла внука на Кавказские минеральные воды. Елизавета Алексеевна знала об их целебных свойствах не только потому, что слава о них ходила по всей России, но, скорее всего, от своих родственников, не раз посещавших эти места, и прежде всего от своей сестры, жившей там. Екатерина Алексеевна была замужем за армянином генерал-майором А.В. Хастатовым, который увез ее в свое имение на Северном Кавказе — Шелковое. В этой станице кроме русских казаков жили около двухсот грузин и более пятисот армян.

Второй раз Лермонтов оказался на Кавказе в 1825 г., ему было уже 11 лет. С.А. Андреев-Кривич, в своем исследовании «Кабардинская народная поэзия в творчестве М.Ю. Лермонтова», писал, что двоюродный брат Лермонтова Аким Акимович, которому было тогда уже 18 лет, часто брал поэта с собой на веселые кумыкские пирушки и свадьбы. Действительно, на правой стороне Терека, против селения Шелкозаводского на берегу стоял чеченский аул Акбулат-юрт⁴³. Лермонтов мог наблюдать искрометные пляски, слышать чарующие душу песни, легенды, рассказы об абреках и казаках. Юноша упивался живописной природой Предкавказья. Девственные пейзажи и дружеские встречи, рассказы об удали джигитов запечатлевались в его памяти. Впоследствии все это появилось в произведениях поэта:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой.
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили...

Но были зрелища и поближе. Горячеводск со всех сторон окружали горские селения. 15 июля в одном из них — Аджи-ауле, проходил праздник байрам, на котором возможно присутствовал и 11-летний Лермонтов. Почему мы так думаем? Дело в том, что внимание всех посетителей Горячеводска, так до 1830 г. назывался Пятигорск, привлекал расположенный недалеко от городка Аджи-аул. И на праздник байрам туда специально приезжали, чтобы посмотреть на скачки, джигитовку, услышать национальные песни, увидеть танцы.

15 июля 1825 г. туда съехались чуть ли не все находившиеся в Горячих водах. «Приближаясь к Аджиеву аулу, за цепью карет, колясок, напоминающих гулянья в Екатерингофе, — писал современник, — я невольно был изумлен картиною представившеюся моим взорам: прелестная долина, расстилающаяся под навесом грозной Бештовой горы, покрыта была толпами самыми пестрыми, противоположными. Русские дамы в нарядах, дышущих Парижем, стояли вместе с черкешенками, походящими на привидения на их ходулях (называемых *пхавака*). Группы военных офицеров сливались с разнообразными костюмами столичных и провинциальных щеголей; там казаки, черкесы, ногойцы рыскали на борзых конях своих; наконец толпа песельников и музыкантов, расположенных по сторонам раскинутых палаток — все вместе представляло весьма занимательное зрелище»⁴⁴.

С прибывших на праздник посетителей Вод обычно собирали пожертвования, которые составляли довольно крупный приз, вручавшийся победителю скачек. Впечатлений Лермонтову хватило надолго, и когда, спустя три года, в 1828 г., он по своему признанию «начал марать стихи», то первыми были пусть и подражательные, но, как ни

странно, поэмы на кавказские темы. Он пишет: «Черкесы», «Кавказский пленник», в 1830 — 1831 гг. поэму «Каллы», в 1832 — «Измаил-бей», в 1834 — 1835 гг. — «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек».

Первые строки поэмы Лермонтова «Аул Бастунджи», начинаются словами, в которых описываются окрестности того самого Горячеводска, где он провел лето 1825 г. Описан и Аджи-аул:

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрыт от бурь и вольностью богат. —
Его уж нет.

А в «Измаил-бее» этому аулу посвящены такие строки:

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встает,
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели...

В обеих поэмах, написанных после пребывания Лермонтова на Кавказских минеральных водах в 1825 г., он пишет об ауле, который исчез. Вопросом — существовали ли вообще аулы «между Машуком и Бешту» задавались многие. С.А. Андрееву-Кривичу удалось найти объяснение, почему у Лермонтова появился этот интерес.

В поэме «Измаил-Бей» Лермонтов описал праздник байрам:

...Начался байран.
Везде веселье, ликованья;
Мулла оставил алкоран,
И не слышать его призыванья;
Мечеть кругом освещена;
Всю ночь над холодными скалами
Огни краснеют за огнями,
Как над земными облаками
Земные звезды...
Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: — темно.
Вокруг огня, певцу внимая,
Стопилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немym вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.

Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: — он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.

На этот праздник в 1825 г. в Аджи-аул был приглашен первый горский «трубадур» знаменитый Султан Керим-Гирей. Сидя на низеньком табурете под навесом палатки он, акомпанируя себе на трехструнном пшинедук-ако, самозабвенно пел черкесские песни.

П. Свиньин писал об этом с восторгом: «С каким удивлением, благоговением слушали горцы своего барда! Картина сия, поистине, достойна была кисти искусного художника; равномерно не менее живописно было б представить высокого мужчину средних лет, значительной наружности, великолепно одетого в шелковое полукафтанье... вооруженного богатыми пистолетами, шашками и кинжалом, — с арфою в руке!.. Сговорчивый Султан сыграл нам и пропел оду — любовную песню, потом пишнаглу — военную, и, наконец, габзы — элегию или плач, поющийя ближайшими родственниками умершего воина, при чем восхваляются его подвиги и достоинства»⁴⁵.

Детские впечатления оказались настолько пронзительными, что память сохраняла «образы» Кавказа всю жизнь. Так или иначе, Лермонтов оказался участником общественно-политических событий, которые происходили и в центральной России, в столице и на окраине государства, на Кавказе. Лермонтов не оказался сторонним наблюдателем, он не был безразличным человеком. Все что проходило мимо, отпечатывалось в сознании поэта, все нашло, пусть даже косвенное, но отражение в его творчестве. Он не вел дневник, мы никогда не узнаем его мыслей по тому или иному поводу, мы не восстановим разговоров и споров, которые он вел со многими лицами в Петербурге, Москве, Ставрополе, Пятигорске, Тифлисе, Тамани... Но остались его произведения, и в них сквозь поэтические строки мелькают его мысли, и даже можно прочесть то, что он не успел рассказать, записать, оставить потомству.

Уже в юные годы он напишет не одно, а несколько признаний в любви к Кавказу. Одно из них — это строки посвящения к поэме «Аул Бастунджи»:

Тебе, Кавказ, — суровый царь земли —
Я снова посвящаю стих небрежный:
Как сына ты его благослови

И осени вершиной белоснежной!
От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежный;
На севере в стране тебе чужой
Я сердцем твой, — всегда и всюду твой!..

1828 г. Лермонтов датировал стихотворения: «Осень», «Заблуждение Купидона», «Цевница», «Черкесы», а также поэму «Кавказский пленник». Ему еще нет полных 14 лет, а в его первой поэме «Черкесы» появились описания казачьих сторожевых постов, которые удивительно точно соответствовали увиденной им в Горячеводске картине:

На холмах маяки блистают;
Там стражи русские стоят;
Их копыта острые блистают,
Друг друга громко окликают...

В.Э. Вацуру, анализируя ранние поэмы Лермонтова, считал, что, в отличие от элегического героя, байронический герой не столько размышляет и анализирует, сколько чувствует и действует; образ его раскрывается в драматических сюжетных перипетиях. Эмоционально-лирическая стихия пронизывает лермонтовские поэмы.

Лермонтов взрослеет, и в его сознании начинает оформляться, как отметил Ю.М. Лотман, национально-культурная типология. Происходит это параллельно с его осознанием фатальности своей судьбы. Первая ссылка на Кавказ в 1837 г., вплотную столкнула 23-х летнего юношу с горцами. Но, отправляясь на Кавказ, поэт понимал, что едет на Восток. В письме к своему другу Святославу Раевскому, оправленному перед отъездом, он именно об этом писал: «Прощай, мой друг. Я буду к тебе писать про страну чудес — Восток. Меня утешают слова Наполеона: *Les grands noms se font à l'Orient* (Великие имена делаются на Востоке)».

Восприятие Востока во время ссылок Лермонтова на Кавказ

В последние два года жизни интерес к Востоку приобрел у Лермонтова новые очертания. Его начал интересовать тип культуры Востока, и особенно характер человека — носителя этой культуры. Поэт обращает еще больше внимания на «философию Востока». В стихотворении «Я к вам пишу, случайно, право...», больше известном под названием «Валерик», созданном в 1840 г. Лермонтов писал:

Судьбе, как турок иль татарин,
За все я ровно благодарен;
У Бога счастья не прошу

И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Неволью сблизили...

Мироощущение поэтом темперамента и менталитета южных народов отразилось во многих его произведениях: «Бэла», «Дары Терек», «Беглец» и др. Горский строгий взгляд на доблесть, бесспорная для жителя Кавказа истина — идея защиты родины ценою жизни вдохновили Лермонтова на создание поэмы «Беглец», в которую он вложил особенно волновавшую его самого в то время идею патриотического подвига. Поэма написана после пребывания на Кавказе в первой ссылке в 1837 г.

Там, на Кавказе, где умели сражаться за родину и свободу и знали трудную цену подвигу, и презирали измену, Лермонтов услышал песню о том, как молодой горец вернулся из боя, не отомстив за смерть павших в сражении. По содержанию и духу песня очень близка созданному поэтом произведению. Таким образом, «Беглец» тесно связан с народной поэзией черкесов. Это произведение как нельзя более близко кавказскому представлению о подвиге и кровном родстве.

В поэме «Мцыри» Лермонтов снова коснулся той же темы, что и в «Беглеце», темы родины, темы предков. Если беглец — Гарун поступился почитанием семьи и понятиями о чести поколений, живших столетиями до него, то герой «Мцыри», напротив, стремится к своим корням. Стремится настолько, что совершает безумный поступок — бегство из монастыря. Юноша много говорит о желании иметь судьбу предков:

Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.

Лермонтов оказался тем представителем русского ориентализма, к творчеству которого стали обращаться все последующие писатели и поэты, для которых Восток, Ислам не были враждебными понятиями. В них они видели специфический, но весьма интересный, образ жизни, в нем находили прекрасное. Восток давал им повод для раздумий и творчества. Благодаря Лермонтову в русской литературной полемике 1840-х гг. оформляется культурная антитеза Запад — Россия. При различии ее оценочных понятий разными группами, характер противопоставления объединяет всех спорящих. И как верно заметил Ю.М. Лотман, позиция Лермонтова в этом отношении ближе к Грибоедову и отчасти к Пушкину. Россия мыслится как третья, средин-

ная сущность, расположенная между «старой» Европой и «старым» Востоком. Именно срединность ее культурного (а не только географического) положения позволяет России быть носителем культурного синтеза, в котором должны слиться печоринско-онегинская («европейская») жажда счастья и восточное стремление к «покою»⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Said E.W. Orientalism*. – N. Y., 1978. В дополненном виде книга была издана в Лондоне в 1995 г. Переведена на 36 языков. Серьезный анализ работы сделал в 1997 г. Джеймс Клиффорд (см.: *Brower D.R., Lazzerini E.J. (eds) Russia's Orient: Imperial borderlands and peoples, 1700 – 1917*. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1997).

² Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. – СПб.: Русский Мир, 2006. С. 117. Раньше русского вышел украинский перевод книги: *Caïd E.B. Орієнталізм*. Перекл. з англ. В. Шовкун. – Київ, 2001.

³ Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока... – С. 10.

⁴ Стишова Е. Транзит: Висбаден – Питтсбург – Кавказ. 2001.

– URL: http://www.russ.ru/culture/cinema/20011004_sti.html

⁵ Там же.

⁶ См.: Аристархова И. Расистская культура и ориентализм: Голберг и Саид. – URL: http://www.getto.ru/anarh/a_02.html; *Clifford J. Review of «Orientalism» // History and Theory*. 1980. Vol. XIX. No. 2. P. 204 – 223.

⁷ См.: *Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. – Ithaca: Cornell University Press, 1994; *Brower D.R., Lazzerini E.J. (eds) Russia's Orient: Imperial borderlands and peoples, 1700 – 1917*. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1997; *Khalid A., Knight N., Todorova M. Ex Tempore: Orientalism and Russia // Kritika*. 2000. № 1 (4). P. 691 – 728;

⁸ См.: Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 108 – 109. А. Эткинд приводит полную библиографию работ о том, как европейские интеллектуалы осваивали Россию как Восток: *Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. – Stanford University Press, 1994; *Malia M. Russia Through the Western Eyes*. – Berkeley University Press, 1999. О том, как российские интеллектуалы осваивали российский Восток, см.: *Slezkine Y. Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North; Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700 – 1917; Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographic Expansion in the Russian Far East, 1840 – 1865*. – Cambridge University Press, 1999.

⁹ См.: Каннелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.: Традиция; Прогресс-Традиция, 2000.

¹⁰ Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 50 – 74; Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265 – 299.

¹¹ Применительно к России термин «внутренняя колонизация» был впервые употреблен еще Августом Гакстгаузеном (см.: *Haxthausen A. von. The Russian Empire, Its People, Institutions, and Resources*. – L., 1856, republished: 1968. Vol. 2. P. 76). Термин «самоколонизация», применительно к допетровским временам, использовал Сергей Соловьев (см.: *Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // Journal of Modern History*. September 1993. P. 473 – 511). Борис Гройс писал о петровских реформах как об «уникальном акте самоколонизации русского народа» (*Гройс Б. Имена города // Гройс Б. Утопия и обмен*. – М.: Знак, 1993. С. 358).

¹² См., например: *Layton S. Russian Literature and Empire. Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. – Cambridge University Press, 1994; *Солпенков С.В. Дорога в Арзрум: Русская общественная мысль о Востоке*. – М.: Восточная литература, 2000; *Frank S. Raum und Ekonomie. Zwei Kernelemente der russischen*

Geokulturosophie // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband. 2001. № 54. S. 427 – 445.

¹³ Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации... С. 110.

¹⁴ См., например: *Виноградов Б.С.* Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века. – Грозный, 1966; *Виноградов В.Б.* Художественная литература как элемент «российскости» в зеркале художественной литературы (сборник статей). – Армавир, 2003; *Хубиева Ф.* Лермонтов выше всех вершин // Русский язык и межкультурная коммуникация. – Пятигорск. 2005. № 1 (5). С. 70 – 75; *Багдасарян А.А., Краснокутская Л.И.* Творчество М.Ю. Лермонтова в северокавказской публицистике 30-х годов XX века // Русский язык и межкультурная коммуникация... С. 76 – 78 и др.

¹⁵ Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Вып. 11 (Материалы научно-педагогического семинара) / под ред. В.Б. Виноградова. – М., Армавир, 2008.

¹⁶ *Виноградов В.Б., Черноусова Н.Г.* М.Ю. Лермонтов: «Как сладкую песню отчины моей люблю я Кавказ» (Фарс «ориенталистических клише») // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Вып. 11... С. 33 – 37.

¹⁷ *Бобровников В.* Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида. – URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-22149.html>

¹⁸ *Лотман Ю.М.* Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. – Л.: Наука, 1985. С. 10.

¹⁹ В этой связи представляется необходимым провести анализ масштабного проекта Грибоедова по колонизации Кавказа по образцу Британской Индии (см.: *Зидельман Н.Я.* Быть может, за хребтом Кавказа... – М.: Наука, 1990).

²⁰ Весьма интересным исследованием имперской политики и этнографии явилась работа Юрия Слезкина «Arctic Mirrors: Russia and the Small People's of the North» (Berkeley: University of California, 1994). Недавно также появилась важная антология, включающая в себя два раздела: «Империя и Восток» и «Контакты в зоне "фронтира"» (см. *D.R. Brower and E.J. Lazzarini (eds.). Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700 – 1917* (Bloomington: Indiana University Press, 1997). И, конечно же, недавно вышедшая работа: *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней (М.: Европа, 2007). К сожалению, название книги неверно переведено переводчиками. В оригинале книга называется: «The Russian Empire and its Rivals from the sixteenth century to the present», таким образом правильно следует переводить: «Российская империя и ее соперники с XVI века до наших дней».

²¹ *Дэвид-Фокс М.* Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Самарский университет, 2000. С. 15; см. также исследование: *Гринлиф М.* Пушкин и романтическая мода: Фрагмент, элегия, ориентализм, ирония (Серия: Современная западная русистика). – СПб.: Академический проект, 2006.

²² См., например, *Бобровников В.О.* Миф о Кавказской войне и ориентализм на российском Северном Кавказе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы VI Международной конференции 28 – 30 ноября 2002 г. – Волгоград, 2003. С. 133 – 134; *Захаров В.А.* Образы Кавказа в русском общественно-политическом сознании XIX – начала XX вв. // Кавказский сборник. Т. 3 (35) / под ред. В.В. Дегоева. – М.: Русская панорама, 2006. С. 218 – 228; *Захаров В.А.* Лермонтов на Кавказе и проблемы ориентализма // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля; *Бобровников В.* Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида. – URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-22149.html> и др.

²³ См.: *Said E.W.* Culture and Imperialism. – N. Y.: Knopf, 1993.

²⁴ Ibid. P. 231.

²⁵ *Лосев Л.* Смерть Эдварда Саида, или Энергия заблуждения. – URL: <http://www.voanews.com/russian/archive/2003-10/a-2003-10-14-6-1.cfm>

- ²⁶ Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова... С. 5.
- ²⁷ Dickinson Sara. Russia's First «Orient»: Characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. № 1. P. 3 – 25.
- ²⁸ Цит. по: Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. – М.: Наука, 1981. С. 10.
- ²⁹ Виноградов Б.С. Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века. (Очерки). – Грозный, 1966. С. 7.
- ³⁰ Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777 – 1864 гг.). – Пятигорск, 2006. С. 6 – 7.
- ³¹ Завалишин Д.И. Записки декабриста. – СПб., 1906. С. 154.
- ³² Виноградов Б.С. Кавказ в русской литературе... С. 9.
- ³³ Барнаш А.В., Лазарян С.С. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX – начало XX вв. – Пятигорск, 2006. С. 8 – 9.
- ³⁴ Цит. по: Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 5.
- ³⁵ Адыль-Гирей. Обзор последних событий на Кавказе // Военный сборник. 1859. № 10. С. 476.
- ³⁶ Хаихожева Р.Х. Адыгские просветители // Избранные произведения адыгских просветителей... С. 5.
- ³⁷ Цит. по: Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961. С. 208.
- ³⁸ Миллер О.В. К вопросу об автобиографизме творчества М.Ю. Лермонтова // Творческий процесс и эстетические принципы писателя. Сборник научных трудов. – Иркутск, 1980. С. 11 – 31.
- ³⁹ Об истоках лермонтовского автобиографизма подробнее см.: Бродский Н.Л. Поэтическая исповедь русского интеллигента 30 – 40-х годов // Венки Лермонтову. Юбилейный сборник. – М.; Пг., 1914. С. 560 – 610; Гинзбург Л.Я. Творческий путь Лермонтова. – Л.: Художественная литература, 1940. С. 21 – 33.
- ⁴⁰ Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. – М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 47.
- ⁴¹ М.Ю. Лермонтов в русской критике. Сб. статей. – М., 1955. С. 192.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. – СПб., 1880. С. 389.
- ⁴⁴ Свинын П. Письмо издателя «Отечественных записок» к редактору // Отечественные записки. 1825. Ч. 23. С. 242 – 243. Описания праздника байрама в Аджиауле имеются и в зарубежных изданиях: Jaeger B. Reise von St. Petersburg in die Krim und die Laander des Kaukasus in Jahre 1825. – Leipzig, 1830. S. 102 – 106.
- ⁴⁵ Свинын П. Письмо издателя «Отечественных записок» к редактору... С. 244 – 245.
- ⁴⁶ Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова... С. 12.

REFERENCES

- Aristarkhova I. Racist culture and Orientalism: Golberg and Said. Available at: http://www.getto.ru/anarh/a_02.html (in Russian).
- Barnash A.V., Lazaryan S.S. *Essay on the cultural development of the North Caucasus: the beginning of the 19 – early 20 centuries*. Pyatigorsk, 2006 (in Russian).
- Bassin M. Turner, Solov'ev, and the "Frontier Hypothesis": The Nationalist Signification of Open Spaces. *Journal of Modern History*. September 1993, pp. 473-511.
- Bobrovnikov V. Why are we marginals? The Notes in the margins of the Russian translation of *Orientalism* by Edward Said. Available at: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-22149.html>
- Clifford J. Review of «Orientalism». *History and Theory*. 1980. Vol. XIX. No 2, pp. 204-223.
- Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. No 1, pp. 3 – 25.
- Eidelman N.Ya. *Perhaps, over the ridge of the Caucasus...* Moscow, Nauka [Science], 1990 (in Russian).
- Eikhenbaum B.M. *The Articles on Lermontov*. Moscow, 1961 (in Russian).

Etkind A. The burden of clean-shaven man, or internal colonization of Russia. *Ab Imperio*. 2002. No 1, pp. 265-299 (in Russian).

Etkind A. Foucault's thesis of internal colonization: The post-colonial view of the Soviet past. *Novoe Literaturnoye Obozrenie* [New Literary Review]. 2001. No 49, pp. 50–54 (in Russian).

Etkind A. Russian literature, XIX century: A Novel of internal colonization. *Novoe Literaturnoye Obozrenie* [New Literary Review]. 2003. No 59 (in Russian).

Frank S. Raum und Ekonomie. Zwei Kernelemente der russischen Geokulturoso- phie. *Wiener Slavistischer Almanach*. Sonderband. 2001. No 54. S. 427-445.

Groys B. The names of the city. Groys B. Utopia and exchange. Moscow, Znack [Sign], 1993. 373 p. (in Russian).

Kappeler A. *Russian multinational empire: Appearance. History. Decay*. Moscow, Traditsiya, Progress-Traditsiya, 2000 (in Russian).

Khalid A., Knight N., Todorova M. Ex Tempore: Orientalism and Russia. *Kritika*. 2000. No 1 (4), pp. 691 – 728.

Losev L. The death of Edward Said, or energy of delusion. Available at:

<http://www.voanews.com/russian/archive/2003-10/a-2003-10-14-6-1.cfm>

Lotman Yu.M. The problem of East and West in the late works of Lermontov. *Lermontov collection*. Leningrad, Nauka [Science], 1985 (in Russian).

M.Yu. Lermontov. Russian criticism. Coll. Articles. Moscow, 1955 (in Russian).

Russia's Orient: Imperial borderlands and peoples, 1700 – 1917. Brower D.R., Lazzerini E.J. (eds.). Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1997.

Said E.W. *Culture and Imperialism*. New York, Knopf, 1993.

Said E.W. *Orientalism*. New York, 1978.

Slezkine Y. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press, 1994.

Stishova E. Transit: Wiesbaden – Pittsburgh – Caucasus. 2001. Available at:

http://www.russ.ru/culture/cinema/20011004_sti.html (in Russian).

Vinogradov B.S. *Caucasus in Russian literature of 30-ies of the 19th century (Essays)*. Grozny, 1966 (in Russian).

Аннотация

В статье рассматриваются идеи Э. Саида, высказанные им в его основополагающем исследовании «Ориентализм», применительно к российской действительности первой половины XIX в. Кавказ воспринимался как Восток не только русскими писателями и поэтами, но и всем читающим русскоязычным миром того времени. В журналах того времени стали появляться переводы восточных поэтов с французского и немецкого языков. Такое открытие Востока было ошеломляющим. Но еще больший интерес стали вызывать стихи и проза Пушкина, Бестужева-Марлинского, Лермонтова, побывавших на Кавказе и отразивших виденное в своих произведениях. Именно они стали на многие годы тем знанием о Востоке, его нравах и менталитете, которое служило ориентиром российским читателям.

Ключевые слова: Эдвард Саид, Лермонтов, Белинский, Кавказ, Восток, ориентализм, тюркизмы, этимологическая ориенталистика.

Summary

The article examines E. Said's ideas which he expressed in his seminal study *Orientalism*, in relation to the Russian reality of the first half of the 19th century. The Caucasus was viewed as the East not only by Russian writers and poets, but also by the whole Russian-speaking world at that times. In the magazines the translations of Oriental poets from French and German began to appear. Such a discovery of the East was stunning. But the poetry and prose of Pushkin, Bestuzhev-Marlinsky, Lermontov, who visited the Caucasus and embodied what they had seen in their works, were even more popular. For many years their works became the source of knowledge about the East, its customs and mentality, which guided Russian readers.

Keywords: Edward Said, Lermontov, Belinsky, Caucasus, East, Orientalism, Turkisms, etymological Oriental studies.